ЛИТЕРАТУРА — ЖИЗНЬ МОЯ

3 февраля 1982 г.
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 5

Давид КУГУЛЬТИНОВ

Продолжаем публикацию материалов в нашей традиционной рубрике. Корреспондент «ЛГ» Татьяна Архангельская обратилась к Давиду Кугультинову с просьбой высказаться на страницах газеты.

ЧУВСТВО ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

* *«Когда с упрямой строчкой спорю я...»*
* *Нескудеющий источник — фольклор*
* *Борьба за мир — не тема, а судьба*

ДОЛГИЕ годы пристально я слежу за развитием точных и естественных наук. У меня много друзей, знакомых, которые с увлечением просвещают литератора-неспециалиста. И вот когда я думаю о тех поразительных результатах, которых достигли, допустим, генетика и молекулярная биология, расшифровавшая структуру ДНК, не могу вновь и вновь не преклоняться перед человеческим разумом, не отдавать должного его величию.

Как утверждают ученые, «ДНК точно воспроизводится при делении клеток, что обеспечивает в ряду поколений клеток и организмов передачу наследственных признаков и специфических форм обмена веществ». Значит, любая живая клетка несет в себе информацию о прошлом и о будущем, значит, она существовала прежде, уже «зная» о моей будущей руке, моих широких скулах, цвете моих волос. А может быть, подумал я, в ней также заложено и еще нечто, что не могут вычленить самые выдающиеся ученые, — информация духа? Я не исключаю для себя этой возможности.

Был как-то на концерте, где исполнялась «Поэма экстаза» Скрябина — произведение, очень любимое мной. И вот неожиданно начал писать поэму.

...Дирижировала оркестром молодая красивая калмычка, и я вдруг со страхом чувствую, что влюбляюсь в эту женщину. А потом я ее узнаю — да ведь это моя 18-летняя жена, которую я покинул в XII веке на берегах Керулена, когда меня призвал к себе хан. Могучий хан шел завоевывать новые земли, и ему нужен был певец, чтобы восхвалять его подвиги, его величие и мудрость.

Просьба хана страшнее повеления жены. Вот хан завоевывает государство за государством, истребляет народ, другой, третий. Но как ни требует от меня полководец песен — песни у меня не рождаются. Меня плетьми стегают, мне сумы с золотом дают — не рождается песня. Много десятков лет скитался я с воинами, и битый, и золотом обласканный, — не рождается песня. Решили тогда, что обо мне соврали, что я и не был певцом. И стал старик для них обузой, и они меня прогнали. Пошел я домой, а когда приблизился к берегам Керулена, почувствовал вдруг, что ноги мои идут быстрее и сам будто становлюсь моложе. Добрался наконец до своего хотона — никто меня не узнал. Спросил о жене своей — сказали, умерла через год «от тоски по тебе». И вот вдруг тогда нежданно родилась песня.

Быть может, звуки скрябинской музыки пробудили что-то дремавшее во мне, но оказалось, что поэзия рождается любовью и страданием. И еще чудилось, что я, все клетки тела моего ясно помнят вот то мое душевное состояние, которое было разбужено во мне взрывом музыки.

Есть у меня глубокое внутреннее убеждение, что все это заложено в человеке. Не может быть, чтобы только плоть имела законы своего развития — непременно должны быть такие же законы развития нашего духа. Я вполне ясно понимаю, что такое среда, окружение, общество, как они влияют на формирование человеческой личности. И все же, все же...

СУЩЕСТВУЕТ некая тайна, вызывающая сложнейшие химические реакции в материи мозга, неподвластные никаким регуляциям, и тайна эта — **слово.** Оно рождает реакцию не только в веществе мозга, но и в человеческом обществе, движет массы и обладает гигантской силой воздействия. Величайшая эта магия, это волшебство дано всем, кому судьба велела петь, слагать стихи, изображать. Если говорить обо мне, то, взобравшись на вершину своих почти шестидесяти лет, я ясно вижу, что человек, которому выпала такая доля, как мне, должен был бы обладать гораздо большими способностями. Я говорю это не кокетничая, не желая демонстрировать свою скромность, а по трезвому размышлению.

Недаром сказано: в начале было Слово. Овладевая чужим языком, мы запоминаем приход каждого слова. Отлично помню, как пришло ко мне первое русское слово. «Хлеб». Когда его произносили, я чувствовал запах, вкус, видел золотистый цвет корочки. Стихия языка — это целый мир, и в нем слово — сокровище. В те годы при произношении каждого русского слова я замирал, закрыв глаза. Мне виделись яркие картины, я слышал музыку и думал о том, какой я счастливый человек!

В нашем хотоне была учительница, безмерно любившая литературу. Она приучала нас читать наизусть стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова и других великих, читать и зримо представлять все происходящее. Совхозная столовая — ветхое низенькое глинобитное здание с крышей без потолка — по вечерам превращалась в клуб, освещаемый двумя керосиновыми фонарями «летучая мышь». И вот однажды мне, десятилетнему, предстояло выступить перед публикой и прочитать стихотворение о революционере. Там были такие, кажется, строки: «Гудит набат, бежит народ, и тихо улицей идет ко смерти раб приговоренный...» Я дочитал до этих строк, увидел все, понял, что сейчас его казнят, и... разрыдался. Прибежала Александра Ивановна. «Что с тобой, Давид?» — «Да как же, его ведь повесят!»

Она успокоила меня кое-как и велела прочитать стихотворение снова. И снова все повторилось. На том же месте я зарыдал. Так и не смог себя преодолеть...

Для меня слово таит энергию, ни с чем не сравнимую. Любая энергия иссякает, и лишь энергии слова предела нет!

КОГДА-ТО я был дружен с Маршаком, последний год его жизни мы подолгу говорили. Так вот, Маршак утверждал, что все величайшие произведения литературы берут начало из фольклора. Он не имел в виду его научное определение, он подразумевал народное начало. И в этом смысле его слова были справедливы в отношении «Фауста», «Дон Кихота», «Кола Брюньона», произведений Гоголя, Толстого, Достоевского...

Народное начало, фольклор... Как писал выдающийся японский поэт XVII века Басё:

Вот исток, вот начало
Всего поэтического
искусства!
Песня посадки риса.

Калмыцкий фольклор своеобразен и интересен — не случайно академик Владимирцов назвал Калмыкию второй родиной сказок после Индии. Наш народ имел большую древнюю культуру, и письменность его корнями уходила к арамейской. «Рамаяна» — великий эпос Индии — была переведена на калмыцкий язык еще в XVII веке. Но с исчезновением грамотных людей возникла угроза исчезновения письменной литературы. И тогда книги стали переходить в память народа. Так произошло с «Панчатантрой», «Дхаммападой», «Волшебным мертвецом»... И сюжеты «Рамаяны» также перешли в фольклор. Происходило удивительное явление — даже знания из области медицины и других наук народ старался закодировать, «вогнать» в символы, оставить в фольклоре и таким образом передать последующим поколениям. Например, читая в русском переводе калмыцкий эпос «Джангар», известный спортсмен, отец самбо Анатолий Харлампиев обнаружил спрятанное в тексте большое количество неизвестных дотоле болевых приемов.

А сколько еще символов, знаков, истин из области других знаний может встретить заинтересованный человек и в этом эпосе, и в других произведениях устного народного творчества! О фольклоре калмыков писали Пушкин, Гоголь, Писемский, многие другие выдающиеся деятели русской культуры. Они интересовались судьбой народа, его опытом и мудростью.

Мои коллеги-писатели — С. Каляев, Л. Инджиев, К. Эрендженов, А. Сусеев, Б. Сангаджиева, А. Бадмаев, А. Балакаев — успешно, плодотворно используют фольклор в своем творчестве, чего не могу сказать о более молодых собратьях.

КАКИМ должен быть писатель? Мне легко размышлять об этом, обращаясь к образам моих ушедших друзей. Пришла пора, когда все чаще вспоминаются строки Тютчева: «Кто смеет молвить: **до свиданья** чрез бездну двух или трех дней?» Эта бездна двух-трех дней теперь уже нависла над людьми моего возраста. Уходят мои друзья — Орлов, Луконин, вот ушел Наровчатов. Мог бы перечислять и перечислять... Сейчас порой слышу я странные разговоры — будто они своими произведениями создали нечто вроде глины, из которой будущие великие писатели «слепят» великие творения. Но это же абсурдные размышления! Разве заменят грядущие, пусть и чрезвычайно одаренные поэты тех, кто прошел в юности под свинцовым дождем, пережил вместе с народом все тяготы страшной войны и встретил Победу?

Как можно принижать сделанное ушедшими и ныне здравствующими поэтами этого поколения, противопоставляя их поколениям грядущим? У них свой голос, своя неповторимая интонация, будь то Гудзенко, Наровчатов или Симонов. Разве не стало еще при жизни классическим его «Жди меня...»?

О Константине Михайловиче Симонове мне хотелось бы сказать здесь особо. Это была яркая личность, привлекавшая всех, кому довелось быть в дружбе с поэтом или просто попасть в его орбиту. Симонов всегда был занят, его время расписано буквально по минутам, он успевал делать тысячи дел, но казалось, что еще десятки тысяч дел ожидают его. И все же он находил время для общения с людьми, считал возможным приехать в гости в Элисту, а потом на машине мчаться в Волгоград для того, чтобы вести юбилейный вечер, когда Луконину исполнилось 50 лет. Симонов всегда помнил о законах братства, и эти законы были для него важнее всего.

...Война, как ничто иное, определила, выявила сущность каждого — в том числе и того, кто был рожден, чтобы стать писателем. Фронтовое поколение не кончилось с Победой, оно продолжает действовать и создавать. Иной может сорок лет кричать, что он в любую минуту готов умереть за идею, а минута настанет — и вдруг крикун повернется спиной. Так тоже бывало. Тем ценнее для всех живущих люди, вышедшие из боев и несущие груз тягот и радость, неповторимую радость тех лет, воплощающие пережитое в строки поэм и стихов. Так давайте же будем к ним бережны!

Тема борьбы за мир — одна из важнейших в творчестве советских литераторов всех поколений. Не случайно через все творчество М. Дудина как бы рефреном проходит напоминание «Берегите землю, берегите!». Не случайно недавно ушедший С. Орлов говорил сердито, что кто-то, верно называя наше поколение военным, неверно утверждает, будто мы рождены войной. Война не рождает, а убивает поэтов, ее пули, из геопространства переходя в пространство времени, все еще настигают солдат. Так говорил С. Орлов и своей кончиной как бы подтвердил эти слова. Мои побратимы по войне М. Луконин и С. Наровчатов вели войну с войной до последнего дыхания. Мы, живые, продолжаем их дело.

Я получил удовлетворение, прочитав письмо мэра города Хиросимы господина Такэси Араки, в котором он благодарит за поэму «Бунт разума», как он пишет, «помогающую в борьбе за мир». Да, в эту поэму я стремился вложить боль человека, прошедшего войну и всеми силами души пытающегося сделать так, чтобы она не повторилась.

Книги К. Симонова и С. С. Смирнова, О. Гончара и В. Быкова, А. Адамовича и Д. Гранина, М. Алексеева, В. Кожевникова, А. Нурпеисова — я мог бы продолжить этот список — действуют на читателя с силой свидетельства очевидца, с силой постижения всей страшной сути войны. Вот почему тема борьбы за мир естественна в советской литературе так же, как естественно сопротивление живого организма всему, что несет смерть.

МОЙ УЧИТЕЛЬ — классик калмыцкой литературы Б. Басангов говорит: «Давид, надо всегда робеть. Ты не бери пример с этих смелых, которые считают, что рифма запросто берется, что ритм приходит сам по себе. Ты к литературе должен относиться так, как влюбленные относятся к женщине. Они всегда робеют...»

Талант — это редкость. Но часто произнося эти слова, мы тут же чуть ли не берем обязательство непременно и в кратчайшие сроки отыскать талант. Истинные таланты подобны высоким лесным деревьям. Лес, однако, не состоит из одних лишь вершин. Если вынести даже самое высокое дерево в степь, оно не покажется таким уж огромным — сравнить-то не с чем. А лес прекрасен именно воздухом леса, шумом леса, тем таинственным, что овладевает тобой, когда ты вступаешь под лесные своды. Лес простирается ввысь и вглубь, и каждое деревце, каждый кустик выдыхает кислород и помогает жить и дышать.

Но бывает и по-другому.

В гостеприимной столичной гостинице «Москва», где я недавно останавливался, в нижнем холле стоят красивые березы. Я подошел ближе, чтобы полюбоваться ими. А оказалось, что каждый листочек искусно вырезан и прикреплен к стволу...

КАК И ВСЕ писатели, я получаю довольно много писем. Среди них есть немало интересных и поучительных. Но вот в прошлом году пришло письмо, на котором был адрес не Элисты, где я живу, а написано было так: хотон Абганер-Гаханкины Большедербетовского улуса... То есть по времени письмо ушло на полвека назад. Теперь не существует хотона, где я родился, — видимо, моя читательница воспользовалась биографическими сведениями из моей книжки, давно вышедшей в «Библиотеке «Огонек». А потом я подумал: каждый человек оставляет след в каждом прожитом году, и это письмо, дойдя до точки во времени, когда существовал этот хотон, пошло по ступенькам моих лет, по содеянному мной в жизни и нашло все-таки меня.

КОГДА я встречаюсь с нашими молодыми писателями, они порой смотрят на меня, как на чудака, зная о том, что я много времени трачу на чтение научных журналов, книг по философии, «вместо того чтобы писать».

Человечество мне иногда напоминает золотоискателей, которые варварски оставляли целые слои драгоценных металлов, беря только то, что лежит на поверхности. Когда я спрашиваю моего молодого коллегу: читал ли ты Этьена де Ла Боэси? — встречаю или недоуменный взгляд, или пожатие плечами. А между тем это автор изумительной книги, названной «Рассуждение о добровольном рабстве». Это была любимая книга К. Маркса, настольная книга Л. Толстого (он даже перевел главы из нее и включил их в «Круг чтения»), М. Монтень в своих «Опытах» посвятил Э. де Ла Боэси главу «О дружбе».

Только разум может спасти человечество от грозящей ему катастрофы. Кроме того, мне кажется, многие беды многих людей происходят вот отчего: все прекрасно усваивают то, что можно, но не очень отчетливо представляют, чего нельзя, чего не должен делать благородный человек, совестливый человек, порядочный человек. Неусвоившие эти элементарные требования потом пытаются диктовать свои законы нравственности, морали, и тогда начинается трагедия — человек вступает в конфликт с обществом, полагая, что общество до него не доросло, тогда как на самом деле все обстоит наоборот. Одну из ролей литературы я вижу в том, чтобы помочь человеку стать лучше, научить его более критически смотреть на себя, на свои поступки и желания, быть душевнее к окружающему, живому и неживому миру.

А проблем у литературы, в том числе у моей родной калмыцкой, великое множество. Вот, например, факт из реальной жизни: пока мы слагали оды и восторженные стихи о покорении человеком природы, движущиеся пески в наших степях отняли огромные плодородные пространства. Эрозия почвы. Гибель травяного покрова. А почему? Потому что на степные просторы выпускалось значительно больше голов скота, чем степь могла прокормить. Вот она и отомстила.

Еще одна проблема — среди наших пастухов почти не осталось представителей коренной национальности. Мы не сумели внушить молодежи уважение к древнейшей профессии, той, что являлась главным делом их предков. Конечно, это вина далеко не только литераторов, но и их в немалой степени.

СЧИТАЮ себя счастливым человеком. У меня есть любимая женщина, друзья. Грешно жаловаться, хоть судьба не баловала.

Не помню, когда начал писать стихи, а напечатал первые в 12 лет. В 17 вышла первая книга, а в 18 был принят в Союз писателей. Тогда вступать в союз было значительно сложнее, чем теперь,—по уставу литератор несколько лет мог считаться кандидатом в члены союза. А мне повезло — вернее, не повезло, а так получилось, что мои стихи, переведенные на русский язык, заметил А. Фадеев. Заметил творчество, по существу, юноши (мне ведь тогда было еще шестнадцать), поддержал при вступлении в союз. Я никогда не забуду его внимания и благодарен ему так же, как и многие тогда молодые литераторы.

Русский язык дал мне много друзей во всей стране. В 1940 году Калмыкия праздновала 500-летие нашего великого эпоса «Джангар». Приехали к нам виднейшие писатели во главе с А. Фадеевым. Здесь-то мы и познакомились, а затем и подружились с Кайсыном Кулиевым. Прошли Отечественную войну, и дальше судьбы сложились сходно, и мы оба с чистой совестью говорим, что никогда не покривили друг перед другом душой.

Русский язык дал мне Михаила Дудина. Его «Соловьи», напечатанные в 1942 году, вдохновляли солдат. Аркадий Кулешов — выдающийся поэт — был моим большим другом. Сколько бессонных ночей провели мы в разговорах, чтении стихов! Я хочу назвать имена своих дорогих друзей Расула Гамзатова, Алима Кешокова, Мустая Карима — их тоже дал мне русский язык. Я мог бы продолжить перечень имен своих друзей, но полосы газетной не хватило бы на это, ибо сказано: «Одного врага — много, тысячи друзей — мало». И я благодарю судьбу за то, что она дала мне счастье жить и творить для людей, в том числе и для моих близких друзей.

Проходят дни, зовут
меня вперед,
А сами остаются
за спиной,
Как будто умирают там,
за мной...
Хоть каждый день
минувший, каждый год
В сегодняшнем
отобразился дне, —
Но прошлое уж
неподвластно мне.

Дни умирают позади меня,
Рождая чувство
завтрашнего дня,
Которым я наполнен
до краев
(Не в нем ли смысл
и радость бытия?),
То «завтра», над которым
властен я.
То чувство, без которого
я мертв.

(Перевод Юлии НЕЙМАН)

Литература — это ковчег, сотворенный из вещества таланта нашим трудом, несущий на себе все нетленное, неистребимое в нас — совесть, свободу, идеалы, дух — в завтра.

Фото В. КРОХИНА